

ТЕАТР

Д о т р е т ь и х п е т у х о в

Повесть - сказка «До третьих петухов» стала последним литературным произведением Василия Шукшина. И потому она невольно воспринимается как духовное завещание писателя, хотя, на первый взгляд, может показаться, что перед нами лишь причудливая, озорная сатирическая фантазия о злоключениях простака Ивана. Инсценировка повести «До третьих петухов» обошла сцены многих театров страны. И вот — премьера на московской сцене в театре-студии «Сфера», обретающем все большую популярность.

В новой работе, как, впрочем, и в предыдущих, коллектив не изменяет стремлению прочитать известное произведение по-своему. Этому способствует уже сама сцена — посередине зала, а зрители вокруг нее (так и ждешь, что сейчас перед тобой разыгрывается площадное представление). А отсутствие рампы и оркестровой ямы, как некоего рубежа между актерами и залом, рождает атмосферу особой доверительности.

Спектакль, изобретательно поставленный Екатериной Еланской, напоминает красочное «лоскутное одеяло». Что ни сцена — яркий лоскуток, со своим рисунком, цветовой гаммой. Несомненно, при таком решении была опасность стать на путь колоритных, но однозначных иллюстраций самобытного шукшинского текста, смакования анекдотических ситуаций, которыми изобилует произведение. Однако режиссеру удалось сплести эпизоды в единый гармоничный узор, умело воспользовавшись песнями сказочного цикла В. Высоцкого. Они как бы цементируют дей-

ствие, в центре которого главный герой — Иван. Но не тот ясноглазый румяный простак, каким он традиционно предстает в русской сказке.

Иван в исполнении А. Сайко — из тех героев Шукшина, которые, уйдя из деревни, так и не стали по сути своей городскими жителями. И потому тоска неизбывная в их душе — то ли по былому, то ли по несбывшемуся. В этой тоске мятущей души — важнейший мотив спектакля.

Он вовсе не идеален, этот Иван. И горю в нем, и самоуверенность прорываются, груб временами и щеголеват не к месту. Но есть в нем крепкая народная закладка, совесть в нем жива, боль за других — вот что главное, хотя сохранить душу в сказочном царстве, куда попадает герой, — дело непростое.

Принципиально, кажется, что не так уж страшно и опасно скопище собравшихся здесь персонажей. Змей-Горыныч трехголовый строит из себя мецената, душу-милашку. Черт может услужливо бегать, помогая раздобывать справку для Ивана, а томная Дочка Бабы-Яги на шею молодцу вешаться и ласковые слова говорить. Но стоит чуть изменить обстоятельства, и расчетливые, беспринципные «друзья» первыми готовы «столкнуть героя в яму».

За балаганным действием астают в спектакле бичуемые писателем корысть и пустозвонство, бюрократизм и показуха, идолопоклонство и спекуляция на духовных ценностях. Разоблачая своих героев, актеры, кажется, получают не меньше удовольствия от игры, чем зрители.

А в спектакле многое запоминается. Это и суетливая, молодящаяся Баба-Яга (Т. Ленникова) в шляпе то ли атаманши разбойников, то ли садовода-любителя. Изыскный Черт (А. Новицкий), азартно сыгранный донской Атаман (П. Иванов), то и дело выхватывающий из ножен свою детскую пластмассовую сабелку. Добрых слов заслуживает и актер А. Малов, очень точно, с немалой долей душевности изображающий своих «массивных» персонажей — Илью Муромца, Медведя и Стражника у монастыря.

По сути же спектакль Е. Еланской — это бенефис двух актеров: А. Сатановского, играющего Буквоеда, Конторского, Мудреца и 1-ю голову Змея, а также блистательной Н. Харахориной, выступающей в трех, совершенно не похожих ролях: чопорно-вульгарной Библиотечкарши, искренней во всех своих кознях Дочки Бабы-Яги и «жалобнообразной» предводительницы нытиков и пессимистов Алки-Несмеяны. Изыскство, мастерство актрисы вызывают восхищение.

И все же возможно, кого-то покоробит в этом залихватском действе некоторая скабрёзность, которой театр, следуя тексту Шукшина, не избегает. Кто-то обратит внимание на разностильные костюмы (художник В. Солдатов), на перегруженность отдельных эпизодов действием. Но, конечно, никого не оставит равнодушным бичующий, очищающий смех Шукшина, в котором меньше всего от зубоскальства, ерничества, и который «Сфера» почувствовала, сумела донести до зрителя.

П. ЧЕРНЯЕВ.